

И. В. Маковецкий, *Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья* (по материалам Комплексной экспедиции Института истории искусств, Института этнографии АН СССР и Гос. исторического музея). Академия Наук СССР. М., 1952.

Стремительный темп социалистического переустройства нашей страны, преобразующего с невиданной быстротой ее физический облик, размещение поселений и жизнь советского народа, ставит перед историками русской культуры — этнографами, археологами и искусствоведами — задачу чрезвычайной ответственности и научного значения, задачу быстрого и полного изучения районов строек и фиксации заслуживающих внимания памятников культуры и быта. Нельзя сказать, что нами сделано в этом отношении все возможное: организация соответствующих экспедиций еще далеко отстает от темпов социалистического строительства и вместе с этим наука безвозвратно теряет драгоценные материалы для истории народной культуры. Тем больший интерес представляет предварительная публикация результатов Комплексной экспедиции 1950 г. двух институтов АН СССР и Государственного исторического музея в районы Верхнего Поволжья, содержащая только часть материалов по зодчеству русской деревни.

Написанный с живой любовью к предмету, небольшой текст И. В. Маковецкого знакомит с задачами экспедиции, районами ее работ и дает общую предварительную характеристику изученных памятников крестьянского строительства от XVII—XIX вв. и до построек советской колхозной деревни. Естественно, что при сжатости очерка автор не смог развернуть всего богатства материала, но и то, что находит здесь читатель, представляет огромный научный интерес.

Подлинной жемчужиной книги является замечательный дом И. А. Скобелкина в костромской деревне Стрельниково, относящийся по всем данным к XVII в. и сохранявший уходящую в глубокую русскую древность трехчленную композицию плана с обширными светлыми сенями в центре. Еще более примечательна сохраненная в доме обстановка — в особенности шкафы, срубленные из массивных брусьев со створами, украшенными клинчатой резьбой. До сих пор в суждениях о древнерусских жилищах наука опиралась на фрагментарные археологические остатки, показание письменных и изобразительных источников, использовала ретроспективно-этнографические материалы. Теперь перед нами живой и целый дом, может быть помнящий события Крестьянской войны. Этот редчайший памятник заслуживает специальной монографии.

Вторым большим достижением экспедиции является открытие серии построек, принадлежащих творчеству двух выдающихся народных мастеров XIX в. Емельяна Степанова и Семена Удалова, достойных войти в ряд великих русских зодчих «большой архитектуры». Об этих мастерах удалось получить довольно подробные биографические данные, сведения о наследственной преемственности их мастерства, выявить особенности их индивидуального творческого облика (жаль, что в книге не помещена фотография собственного дома Емельяна Степанова). Оба зодчих были одновременно виртуозами резьбы по дереву. Очень существенно, что Е. Степанов резал свои великолепные орнаменты без «образца», что очень важно для изучения древнерусской пластики. С. Удалов сочетал дарование зодчего и скульптора с исключительной инженерной одаренностью, он строил водяные мельницы и мосты весьма сложных конструкций. В этой черте народного мастера также нельзя не увидеть живой параллели древнерусским зодчим, часто соединявшим в своем труде искусство архитектора и инженера. У каждого мастера был свой вкус к убранству здания, своя манера его построения и любимые мотивы. Е. Степанов привержен к изображениям зверей и чудищ, С. Удалов пользовался только растительным орнаментом. Появление в доселе безымянной истории народного зодчества характеристик его выдающихся мастеров — большое событие в нашей науке. Конечно, необходимо в дальнейшем дать специальные исследования о творчестве каждого из этих зодчих.

Не менее интересны материалы обследования района низовьев р. Костромы, в том числе знаменитых некрасовских мест (дер. Вежи). Здесь, прежде всего, замечательно свайные избы и другие постройки, связанные с высоким уровнем внешних вод, затопляющих почти всю территорию современного Куниковского сельсовета. Известные ранее по информации В. И. Смирнова, теперь они сохранены в обстоятельных обмерах и фотофиксации. Точно так же на мощных дубовых сваях была высоко поднята над землей замечательная монументальная рубленая постройка — известная в истории искусства церковь в Спас-Вежах начала XVII в. Очень интересно записанное И. В. Маковецким предание о строителях церкви — двух плотниках, братьях Мулиевых из Ярославля, наделенных народной фантазией богатырскими чертами (стр. 33).

В левобережной части Некрасовского района Ярославской области изучена серия построек нового времени (XX в.), во внутренней и внешней обработке которых с редкостным вкусом применена лепная скульптура. Одним из давних видов отхожего промысла в ряде селений этого района были лепные работы, на которых выдвинулись и получили широкую известность многие крупные мастера, и поныне работающие в городах СССР. Перенос профессионального искусства лепки в убранство деревенского жилища дал весьма своеобразный художественный эффект. Опыт поволжских

мастеров должен быть изучен советскими архитекторами, и есть все основания полагать, что он может быть использован в современном жилищном строительстве колхозной деревни. С точки зрения исторической было бы очень ценно проанализировать приемы лепного убранства деревянных построек Поволжья и сопоставить их, например, с системой лепных украшений в калужском «деревянном» ампире; это сопоставление позволило бы с особой четкостью установить специфические особенности сочетания дерева и штукатурки в народном зодчестве.

Последний раздел работы И. В. Маковецкого освещает изменения в жилищном строительстве поволжской колхозной деревни, появление новых типов планировки жилья и усадьбы, в которых рационально сочетаются наиболее ценные традиционные элементы (трехконный сруб, русская печь) с новыми приемами, продиктованными растущими культурными запросами колхозников.

В связи с рецензируемой книгой встает несколько принципиальных вопросов о понимании народного зодчества. В тексте предварительной публикации оно предстает как некое единое искусство русской деревни, хранящее старые традиции или испытывающее воздействие городской культуры. Вопрос о социальном расслоении деревни, а вместе с ней и ее искусства никак не поставлен, а это представляется нам совершенно обязательным для правильного понимания развития русского народного искусства и его течений, в особенности для XVIII—XIX вв.—времени расслоения деревни. Автор, собравший замечательные данные о выдающемся народном мастере XIX в. Емельяне Степанове, совершенно обходит молчанием облик его заказчиков. Так, например, являющийся подлинным шедевром мастера дом Уваева в дер. Мытищи Юрьево-Косоговского района Ивановской области (стр. 13 и след.), где художественно обработаны даже внутренние ворота двора, а отделка интерьера дома поражает своим художественным богатством,—конечно, не является рядовым «крестьянским» домом. Талант зодчего смог найти здесь простор только при больших материальных возможностях богатого владельца, и, несомненно, мастер удовлетворял его вкусам и запросам и считался с ними. Архитектурный памятник выражает не только художественные вкусы мастера, но и вкусы его заказчика. Конечно, такой выдающийся зодчий, как Емельян Степанов, по своей культуре был несравненно выше своей среды и любого из «богатеев» деревни, он мог предлагать заказчику самые разнообразные варианты устройства и отделки его усадьбы, а «хозяин» мог предоставить известную свободу опытному мастеру, но тем не менее в том или ином типе архитектурного решения сказывалось и лицо заказчика. Именно поэтому архитектурные памятники и имеют столь большую познавательную историческую ценность. Так, например, при оценке бесспорно народных черт в архитектуре ярославских храмов XVII в., блестящих мастерством живописной композиции и неистощимым разнообразием внутреннего и внешнего убранства, мы никогда не забываем, что это сооружения ярославской купеческой знати, что эти хозяева храмов, сами недавно поднявшиеся из среды народа и сохранившие много народного в своих вкусах, пользовались искусством зодчих для возвышения своего престижа, для пропаганды своего экономического могущества, что накладывало свой отпечаток на архитектуру храма. Тем более важно учесть эту сторону вопроса в отношении памятников жилищного строительства. Вопрос о различных социальных пластах народного искусства, никак не ставившийся дореволюционной наукой, рассматривавшей искусство русской деревни как некое целое и неделимое «крестьянское» искусство, должен быть разрешен советскими учеными, стоящими на базе марксистско-ленинской теории. Нужно пожелать, чтобы при последующем исследовании замечательных памятников, выявленных и изученных им, автор поставил перед собой и эту тему.

В этом же плане нельзя скидывать со счета вопрос об источниках мотивов резного убранства деревенских построек. Автор с законным возмущением напоминает презрительные характеристики народной резьбы, данные А. И. Некрасовым, видевшим в ней лишь готические, ренессансные, барочные и другие «заимствованные» мотивы и отрицавшим самостоятельное «простонародное творчество из себя». Автор справедливо отбрасывает эти «оценки», приводя, в частности, интереснейший факт компоновки замечательной балахнинской кружевницей А. И. Борминой ее оригинальных узоров «с мороза» на окне, свидетельствующий о самостоятельности и художественной одаренности народных мастеров. О том же без слов говорит не только материал книги И. В. Маковецкого, но и все, что мы знали до сих пор об искусстве русского крестьянина. В этом никто не может сомневаться. Но нельзя утверждением о «поэтической силе народных мечтаний», воплощенной в народном искусстве, заменить изучение исторической и художественной формы этих «мечтаний», нельзя, вместе с мутной водой космополитических, антинародных высказываний А. И. Некрасова, выбрасывать самый факт наличия в народной резьбе различных по историческому возрасту, происхождению и характеру трактовки их мастером мотивов и изображений. Они заслуживают самого пристального изучения с этих точек зрения, так как эти особенности вскрывают не только «общение с культурой города» вообще, но общение с городом разного времени—от глубокой домогольской старины и до наших дней, вскрывают творческий отбор деревенскими мастерами тех или иных мотивов, а следовательно, и их художественные вкусы. Только такое «сравнительно-историческое» исследование народной резьбы поможет дать ее историю и заменить представле-

ние о неподвижной традиционности народного искусства картиной его многовекового движения, его яркой исторической жизни.

Очень жаль, что далеко не весь интереснейший материал, опубликованный в таблицах в конце книги, нашел освещение в тексте. В силу этого книга приобрела какой-то степенный характер «увража», «альбома-пособия» для архитектора с кратким «введением», тогда как она могла стать полноценной предварительной научной публикацией. Автор располагает для этого всеми данными. В то же время в тексте есть ряд материалов, которым место не в предварительной публикации, а в самом исследовании. Таковы, например, выдержки из очень интересных документов по истории церкви в с. Спас-Вежи (стр. 31—33), из летописи церкви с. Рыбниц (стр. 33). За счет этих материалов можно было дать хотя бы краткую характеристику всех опубликованных материалов. Следует пожелать, чтобы в последующем исследовании их автором они получили всестороннее освещение.

Хорошо исполнено графическое оформление книги. Нужно лишь пожелать Издательству АН СССР повысить качество тоновых клише, что особенно важно для изданий памятников искусства.

В целом книга является серьезным вкладом в дело изучения русского народного зодчества. И. В. Маковецкий, энтузиаст исследования русского художественного наследия, один из активных организаторов экспедиции, сделал большое научное и патриотическое дело. Материал книги должны использовать в своей творческой работе советские зодчие, работающие в области строительства колхозной социалистической деревни. Вместе с тем книга показывает, сколь еще мало мы знаем о народном искусстве, как много драгоценного материала стремительно уходит в небытие без следа для науки. Поэтому нам представляется необходимым настоятельно пожелать, чтобы экспедиция, подобная Верхневолжской, существовала и действовала как постоянный оперативный научный орган межинститутского характера. Организационным центром такой экспедиции мог бы с полным основанием стать Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии Наук СССР.

Н. Воронин

*Песни и сказы рыбаков.* Составители А. Любимов и Ф. Охотникова. Астрахань, 1952.

Характер и назначение рецензируемого сборника четко определены в предисловии к нему: «Настоящий сборник является первой попыткой собрать образцы устного народного творчества рыбаков Волго-Каспия. В трех разделах сборника: «О Степане Разине», «Дореволюционные песни, сказки, предания», «Жизнь советская» — даны как оригинальные, ранее не публиковавшиеся записи, так и некоторые произведения, известные по прошлым публикациям. Сборник не претендует на исчерпывающую полноту и имеет целью ознакомить читателей с образцами устного народного творчества одной из областей нашей страны, а также привлечь внимание местных культурных сил к более систематической, глубокой работе по собиранию и изучению устного творчества на Волго-Каспии» (стр. 7). Установка издания не может вызывать никаких возражений. Однако в том виде, как осуществлено это издание, оно не вполне удовлетворяет поставленной составителями цели.

Материал сборника «Песни и сказы рыбаков» неоднороден по составу его источников: фольклорные публикации в местных литературных сборниках и газетах; многочисленные собрания фольклора ученых-собираателей прошлого века («Песни, собранные П. В. Киреевским»), записи экспедиции Государственной академии искусствознания 1930 г.; выборки из материалов, собранных студентами Астраханского педагогического института под руководством доц. А. Любимова в 1946—1950 гг.; записи местного собирателя Б. Лащина, сделанные в 1946—1947 гг. и, наконец, большая авторская сказка, взятая из повести Ф. Гладкова «Вольница».

К достоинствам сборника следует отнести разнообразие использованных в нем жанров: песни, сказки о рыбаках, предания, устные рассказы, народная драма, частушки. Широен и хронологический охват, многогранна тематика ряда разделов. Помимо предисловия и вводного очерка «Из истории г. Астрахани и Астраханского края», к каждому разделу сборника даются небольшие вступительные статьи, написанные разными авторами, что обусловило неровность в содержании и стиле этих статей; для такого небольшого издания было бы целесообразнее поручить написание этих статей одному автору. Это избавило бы статьи от повторений и сделало бы их более компактными. Так, сведения по истории рыбного промысла даются и в предисловии К. Ерымовского и в очерке П. Усачева. Впечатление хронологической чересполосицы создает возвращение к разинскому движению в ряде статей сборника. В предисловии указывается на недооценку жанра устных рассказов прежними собирателями, однако, в сборнике не дано почему-то вводной статьи к разделу устных рассказов советского периода, где можно было бы как раз выявить их жанровую специфику.